

УДК 343.3

РОДОВОЙ ОБЪЕКТ ЗАХВАТА ЗАЛОЖНИКА

Е.А. КОРОТИЧ

(Брестский государственный университет им. А.С. Пушкина)

На основе исследования непосредственного объекта захвата заложника раскрываются проблемные аспекты отнесения данного преступного посягательства к системе преступлений против общественной безопасности, а также анализируются представленные в юридической литературе суждения ученых по данному вопросу. Проведенное теоретико-правовое исследование обозначенной выше проблемы позволило сделать вывод о необоснованности решения законодателя включить захват заложника в систему преступлений, направленных против общественной безопасности: по своим и объективным, и субъективным признакам данное преступление ближе к преступлениям против личной свободы человека. В контексте сказанного в статье сформулирован вывод о целесообразности изменения родовой принадлежности захвата заложника и помещения нормы об ответственности за данное преступление в главе 22 Уголовного кодекса Республики Беларусь.

Введение. Система Особенной части уголовного закона Республики Беларусь постоянно совершенствуется, в связи с чем тот результат, который получил отражение в ныне действующем Уголовном кодексе (далее – УК), в целом отвечает основным принципам структурирования нормативного материала. В то же время нельзя не отметить, что для УК Республики Беларусь 1999 года характерно распределение некоторых составов преступлений по разделам и главам без достаточного учета их основного непосредственного объекта, что, безусловно, является нарушением логической структуры Особенной части уголовного закона. К числу таких составов относится, в частности, состав преступления «захват заложника».

Основная часть. До принятия и введения в действие УК Республики Беларусь 1999 года такое преступное деяние, как захват заложника, было отнесено к системе преступлений против личной свободы человека (ст. 124¹ УК 1960 г.). В действующем уголовном законе Беларуси норма об ответственности за данное преступление получила закрепление в главе 27 «Преступления против общественной безопасности». Аналогичным образом поступил и российский законодатель. Вместе с тем в теории уголовного права вопрос относительно родовой принадлежности захвата заложника по-прежнему остается предметом острой дискуссии.

Сторонники трактовки захвата заложника как преступления против личной свободы человека для обоснования своей позиции, как правило, указывают на то, что «общественная безопасность не может исполнять роль законного интереса, ради охраны которого и непосредственно создан данный состав преступления», поскольку «она (общественная безопасность) не всегда подвергается негативному воздействию в момент совершения деяний, именуемых захватом заложника» [1, с. 140]; «при захвате заложника, прежде всего, страдает свобода человека, а общественные и государственные интересы могут быть подвергнуты опасности лишь после ограничения свободы индивида» [2, с. 74]. Кроме того, по мнению некоторых авторов, отнесение захвата заложника к системе преступлений против общественной безопасности, являясь следствием ограничительного толкования положений Конвенции о борьбе с захватом заложников 1979 года, порождает несоответствие национального уголовного закона нормам международного права, хотя «понятие “захват заложников” в уголовном праве... появилось... в связи с ратификацией упомянутой конвенции, понятие это не имеет никакого отношения к национальной правовой традиции и объяснить его трансформацию национальной спецификой невозможно» [3, с. 112].

Не менее разнообразна и аргументация ученых, склонных рассматривать захват заложника как преступление против общественной безопасности. В частности, А.И. Казамиров утверждает, что данное преступление «вызывает большой общественный резонанс, нарушает нормальную деятельность государственных органов, может закончиться гибелью людей и другими тяжкими последствиями», а это, по его словам, «свидетельствует о том, что основным объектом захвата заложников является общественная безопасность» [4, с. 84]. По мнению В.С. Комисарова и С.Н. Потапкина, «способ действия виновных, потенциальная вероятность для любых членов общества оказаться в роли заложника, многовариантность вероятного вреда, широкий круг вовлекаемых в события людей – все это немедленно отражается на атмосфере общественного спокойствия, порождает у граждан чувство страха. Тем самым объективно снижается уровень безопасности... Указанных обстоятельств достаточно для вывода о том, что при захвате заложника ущерб причиняется, прежде всего, отношениям, обеспечивающим безопасные условия жизни общества» [5, с. 46 – 47; 6, с. 166].

Несмотря на столь обширный «арсенал» доводов и категоричность позиции сторонников признания захвата заложника преступлением против общественной безопасности, сформулированный ими вывод, тем не менее, позволяет усомниться в обоснованности законодательного решения. Следуя логике рассуждений В.С. Комисарова, С.Н. Потапкина и некоторых иных авторов, законодатель, с нашей точки зрения, с тем же успехом мог бы отнести к системе преступлений против общественной безопасности и такое посягательство, как торговля людьми. Способы совершения данного преступления, достаточно широкий круг потенциальных и фактических потерпевших, «многовариантность вероятного вреда» и, как правило, значительный круг «вовлекаемых в события людей» (торговля людьми – одно из приоритетных направлений незаконной деятельности организованных преступных групп, в том числе имеющих транснациональный характер) – обстоятельства, которые, безусловно, не могут не отразиться на атмосфере общественного спокойствия и не вызвать у членов общества вполне обоснованное опасение стать очередной жертвой торговли людьми, особенно при решении вопросов трудоустройства, миграции, туризма и т.д. Более того, процессы превращения человека в предмет товарно-денежных отношений, которые, как правило, характеризуют внешнюю форму проявления названного преступного деяния, гораздо в большей степени, нежели захват заложника, свидетельствуют о наличии ярко выраженного не только личного, но и общественного регресса, о невозможности динамичного (распространение актов торговли людьми, по сути, возвращает систему общественных связей к наиболее архаичным формам взаимоотношений), безопасного и позитивного развития общества и государства.

Помимо торговли людьми, в УК Республики Беларусь найдется еще немало преступлений, объективные признаки которых неизбежно вызовут у граждан «чувство страха, неуверенности в собственной безопасности», что в свою очередь непременно отразится на «атмосфере общественного спокойствия». Иными словами, доводы С.Н. Потапкина не представляется возможным считать достаточными для обоснования правомерности отнесения захвата заложника к системе преступлений против общественной безопасности. Данный вывод частично подтверждается и тем, что сам автор, несмотря на столь жесткую позицию относительно направленности рассматриваемого преступления, в итоге заключает: «захват заложника является более опасной... разновидностью незаконного лишения свободы и похищения человека» [6, с. 167].

Сложность точного определения основного объекта такого преступления, как захват заложника, обуславливает существование в доктринальном мире и менее категоричных позиций. Так, например, А.Г. Блажнов приходит к выводу о том, что «можно вести речь о наличии трех объектов уголовно-правовой охраны» в составе данного преступления – «свобода личности и общественная безопасность, интересы третьей стороны, к которой предъявляются требования» [7, с. 125].

Как представляется, общим недостатком всех названных выше подходов является то, что авторы чрезмерно обобщают признаки основного объекта захвата заложника как явления реальной действительности, в отношении которого непосредственно направлено конкретное преступное деяние, и на основе такого обобщения синтезируют эти признаки на уровне признаков объекта как элемента состава преступления, сформулированного в уголовном законе (ст. 291 УК). Конкретизируем наше замечание применительно к каждому из рассмотренных теоретико-правовых подходов. При отнесении анализируемого преступного деяния к системе преступлений против личной свободы человека авторы решающее значение придают свойствам самого деяния (т.е. ограничению свободы потерпевших), которое, по сути, выступает лишь способом посягательства на основной непосредственный объект. Как следствие, признаками последнего наделяется фактически дополнительный (хотя и обязательный) объект захвата заложника. В случае признания данного преступления посягательством на общественную безопасность за основу принимаются частные, характеризующиеся наибольшей степенью резонанса, акты захвата заложника, а их основному непосредственному объекту (т.е. отношениям в сфере обеспечения общественной безопасности) придается самодовлеющее (определяющее) значение. И в первом, и во втором случаях авторы упускают из виду фактически основные объекты, а таковыми в действительности, как правило, являются отношения собственности, интересы правосудия и другие объекты, определяемые исходя из содержания требований виновных лиц, в целях посягательства на которые и совершаются общественно опасные деяния, характеризующие рассматриваемое преступление.

Иными словами, ни общественная безопасность, ни личная свобода человека не могут претендовать на роль единственного универсального объекта захвата заложника. Отсюда следует вывод о том, что белорусский законодатель вопреки требованиям уголовно-правовой науки относит данное преступление к системе посягательств на общественную безопасность без достаточного учета признаков его основного непосредственного объекта. Несмотря на якобы очевидную научную несостоятельность такого подхода, принятое законодательное решение следует в известной степени признать оправданным с точки зрения юридической техники. Объясняется это следующим.

Если строго придерживаться выработанных теорией уголовного права и получивших отражение в действующем УК правилам определения родовой принадлежности состава захвата заложника и во главу

угла поставить те основные объекты, которым, в конечном счете, стремятся причинить ущерб виновные лица при совершении конкретного акта захвата заложника, то потребуются создание достаточно большого количества специальных составов данного преступления, рассредоточенных по различным главам и разделам УК, что неприемлемо как с точки зрения правоприменения, так и теории уголовного права. Как справедливо отмечал И.И. Горелик (правда, относительно состава поствления в опасность – *прим. авт.*), «предусмотреть в отдельных нормах все частные случаи... – значит создать значительное число новых составов, что вряд ли целесообразно», более того, «чрезмерным дроблением составов еще не гарантируется охват всех могущих встретиться в жизни случаев» [Цит. по: 8, с. 53]. Представляется, что именно данное обстоятельство вынудило законодателя осуществить так называемую «рокировку» объектов при определении родовой принадлежности захвата заложника. Несмотря на очевидные преимущества подобного технико-юридического приема, получивший отражение в УК законодательный подход относительно места захвата заложника в системе Особенной части имеет свои недостатки. Признание данного преступления посягательством на общественную безопасность фактически означает, что за основу принимаются наиболее тяжкие формы его проявления, а это в свою очередь закономерно влечет за собой искусственное искажение степени общественной опасности тех актов захвата заложников, которые в действительности не были направлены против основ общественной безопасности. Данное обстоятельство чревато последующим нарушением принципа экономии уголовной репрессии и дифференциации уголовной ответственности.

Представляется, что при решении вопроса относительно того, какой объект захвата заложника следует признавать в качестве объекта, определяющего его родовую принадлежность, целесообразно исходить из несколько иных соображений. Поскольку состав анализируемого преступления сконструирован законодателем по типу формального состава, особое внимание, с точки зрения исследуемого вопроса, необходимо акцентировать на свойствах (характере) самого деяния. Рассматриваемое преступное посягательство имеет сложное объективное содержание: для него характерна система взаимосвязанных действий, каждому из которых присуще такое важное постоянное свойство, как ограничение свободы потерпевших. Причем незаконно захваченные и удерживаемые лица (заложники) ограничиваются, преимущественно, в части внешних форм проявления личной свободы (например, свободы передвижения), в то время как адресаты требований виновных лиц претерпевают ограничения, главным образом, в свободе принятия и реализации волевого решения. Иными словами, генеральной характеристикой всех актов захвата заложника и каждого из деяний, составляющих объективную сторону конкретного посягательства, является нарушение межличностных отношений по поводу реализации различных правомочий личной свободы человека. Неслучайно данные отношения признаются теорией уголовного права и судебной практикой в качестве обязательного дополнительного объекта основного состава захвата заложника, т.е. элемента состава, имеющего конструктивное значение.

Таким образом, поскольку нарушение отношений общественной безопасности далеко не всегда является основной целью и требуемым конечным результатом конкретного акта захвата заложника, в то время как отношения, в которых реализуются проявления личной свободы потерпевших, подвергаются негативному воздействию в каждом случае совершения данного преступления, представляется целесообразным поместить норму об ответственности за захват заложника в главу 22 «Преступления против личной свободы, чести и достоинства» УК Республики Беларусь. Наличие тесной связи захвата заложника именно с преступлениями против личной свободы человека, по мнению некоторых авторов (в частности, Е.В. Евстифеевой [2, с. 74]), подтверждается и фактом объединения составов захвата заложника и похищения человека в рамках единого квалифицирующего обстоятельства, повышающего ответственность за совершение ряда преступлений, например, убийства (п. 4 ч. 2 ст. 139 УК).

Необходимо отметить, что в настоящее время по пути признания захвата заложника посягательством на свободу человека идет законодательство многих зарубежных государств, в том числе относящихся к разным правовым системам (например, УК ФРГ, Болгарии, Франции, Голландии, Испании, Португалии и др.).

Полагаем, что предложенный нами подход к определению родовой принадлежности захвата заложника ни в коей мере не способен негативно отразиться на оценке степени общественной опасности данного преступления (даже в тех случаях, когда акт захвата заложника будет непосредственно направлен против общественной безопасности). Поясним наше замечание. Как известно, степень общественной опасности каждого преступного посягательства получает опосредованное выражение в санкции соответствующей нормы уголовного закона. Сопоставление санкции нормы статьи 291 УК и нормы, предусматривающей ответственность за смежное преступление – похищение человека (ст. 182 УК), а также санкций некоторых иных норм о преступлениях против личной свободы (в частности, нормы об ответственности за торговлю людьми), позволяет констатировать фактически одинаковый (особенно, относительно квалифицированных составов) законодательный подход к оценке степени их общественной опасности.

Таким образом, захват заложника по своим и объективным, и субъективным признакам ближе к преступлениям против личной свободы человека, нежели к преступным посягательствам на общественную безопасность. Неслучайно, проблема отграничения захвата заложника от похищения человека и незаконного лишения свободы является одной из актуальных проблем квалификации названных преступлений.

Выводы:

1) несмотря на то, что проблема правильного определения родовой принадлежности захвата заложника неоднократно исследовалась и исследуется как в рамках специальных диссертационных работ, так и на различного рода конференциях и научно-практических семинарах, данная проблема по-прежнему остается одной из самых дискуссионных. Между тем правильное определение родового объекта захвата заложника имеет не только существенное теоретическое, но и важное практическое значение;

2) при определении родового объекта захвата заложника наиболее предпочтительным является такой специфический технико-юридический прием, как «рокировка» основного и дополнительного объектов, который позволяет избежать необходимости формулирования достаточно широкого перечня уголовно-правовых запретов;

3) исследование признаков основного состава данного преступления дает основание сделать вывод об ошибочности отнесения захвата заложника к системе преступлений против общественной безопасности: по своим и объективным, и субъективным признакам захват заложника ближе к преступлениям против личной свободы человека. Генеральной характеристикой всех актов захвата заложника и каждого из деяний, составляющих объективную сторону конкретного посягательства, является незаконное лишение (ограничение) свободы потерпевшего (потерпевших). Именно данный признак должен быть признан той константой, которая подлежит учету при определении родовой принадлежности захвата заложника;

4) в контексте сказанного выше представляется целесообразным поместить норму об ответственности за захват заложника в главу 22 «Преступления против личной свободы, чести и достоинства».

ЛИТЕРАТУРА

1. Панкратов, В.В. Уголовно-правовая охрана личной свободы: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / В.В. Панкратов. – Екатеринбург, 1999. – 155 л.
2. Евстифеева, Е.В. Теоретические проблемы уголовно-правовой ответственности за торговлю людьми: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Е.В. Евстифеева. – Саратов, 2002. – 200 л.
3. Снахова, М.Р. Уголовно-правовая охрана личной свободы: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / М.Р. Снахова. – М., 2002. – 200 л.
4. Казамиров, А.И. Уголовно-правовая защита права человека на свободу: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / А.И. Казамиров. – Рязань, 2003. – 179 л.
5. Комиссаров, В.С. Ответственность за захват заложников по УК РСФСР / В.С. Комиссаров // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11. Право. – 1995. – № 5. – С. 44 – 53.
6. Потапкин, С.Н. Незаконное лишение свободы по российскому уголовному праву: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / С.Н. Потапкин. – Н.-Новгород, 2003. – 222 л.
7. Блажнов, А.Г. Незаконное лишение свободы: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / А.Г. Блажнов. – Омск, 2005. – 168 л.
8. Бабий, Н.А. Теоретические основы криминализации и квалификации составных насильственных преступлений / Н.А. Бабий // Судовы веснік. – 2005. – № 4. – С. 50 – 53.

Поступила 30.12.2010

THE GENERIC OBJECT OF THE HOSTAGE CAPTURE

E. KOROTICH

At present article the problem aspects of putting the hostage capture to system of crimes against public safety are analyzed on the basis of research of the main object of the given criminal encroachment and the judgements of scientists presented by the legal literature on the given question. The theoretical-legal research of the designated above problem has allowed to draw a conclusion that the legislator decision to include the hostage capture in system of the crimes directed against public safety is unreasonable: by objective and subjective attributes the given crime is closer to crimes against personal freedom. On the basis of the carried out research the conclusion about the necessity of change of a generic object of the hostage capture and of including the norm about the responsibility for the given crime in the chapter 22 of Criminal code of the Republic of Belarus is formulated.